

Быть евреем в церкви

Юрий Табак | 28.02.2018

В ходе отмеченной драматическими и подчас кровавыми событиями христианско-еврейской истории выковалась стойкая и почти не имеющая исключений традиция отношения друг к другу – а именно резко негативная.

В течение многих веков христианам с церковных кафедр внушали, что евреи – богоубийцы, поскольку они распяли Бога, что Господь разорвал завет с нечестивым еврейским народом и установил завет с новым – христианской Церковью. И раз за разом евреи подвергались гонениям – от принятия антиеврейских законов до прямых погромов с реками пролившейся крови. Погромы эти осуществлялись нередко от имени Церкви и с именем Иисуса на устах, что никак не могло не сказаться на стойком вековом страхе евреев перед христианами и отвращении к ним.

Будучи замкнутой общиной на протяжении многих веков, евреи тщательно оберегали свою обособленность – и прежде всего это касалось перехода в другую веру. А соблазн был велик – в христианском обществе обеспечивалась более или менее сносная жизнь, карьера, возможность работы и учебы без ограничений. И индивидуальные случаи конверсии, обращения, имели место довольно часто. А с учетом того, что во времена погромов и Крестовых походов многие еврейские общины предпочитали насильственному крещению быть сожженными заново, то к "выкрестам" отношение было крайне негативным – по ним соблюдали траур как по умершим, и они были почти полностью отрезаны от общины. И хотя в позднее Средневековье и Новое время, по тем или иным причинам, случались массовые переходы в христианство (марраны, германские евреи), об этих событиях в иудаизме сохраняется самая печальная память. И многие российские евреи-"выкресты", совершавшие переход в христианство ради карьеры, возможности жить в столицах, учиться в университетах, вызвали отвращение у своих соплеменников: их поступок не без оснований рассматривался как предательство. Хотя многие крестившиеся евреи внесли выдающийся вклад в мировую культуру – в России все знают имена Мандельштама, Пастернака, Рубинштейна, Галича, многих других, – но и они, будучи гордостью светского еврейства, вызывают стойкое отвращение своим христианством у верующих иудеев.

И, конечно же, особо сложная ситуация возникает не просто у крещеных евреев, а у тех кто, родившись в уже семье крещеных евреев или искренне приняв христианство, избирает духовный путь и служит в Церкви. Эти люди часто оказываются между двух огней. Бывшие единоверцы преимущественно презирают их, а новые нередко принимают их с опаской и подозрениями, в силу неизжитого в христианской Церкви векового антииудаизма, подчас граничащего с антисемитизмом. В этом смысле показательна судьба о. Александра Меня, выдающегося пастыря и церковного писателя, которого, с одной стороны, крайне негативно воспринимают верующие евреи – как выкреста и как активного христианского миссионера, у которого крестились немало евреев – а с другой, консервативные православные с присущим им антисемитским душком, и считавших его "волком в овечьей шкуре" и "засланным казачком". Также показательна судьба еврейки Эдит Штайн, ставшей до войны монахиней и погибшей в лагере смерти – разделившей судьбу своего народа, хотя она могла спастись. Канонизация Эдит Штайн в 1998 г. папой Иоанном-Павлом II вызвала немало протестов со стороны еврейских общин, увидевших в этом церковным акте одобрение христианского прозелитизма.

В настоящее время определяющая тенденция в развитии иудейско-христианских отношений –

это отказ от миссионерства, что касается, разумеется, прежде всего христианского миссионерства. Это вполне естественно: диалог невозможно вести, предполагая, что цель партнера по диалогу – обратить тебя. Поэтому ведущая организация, объединяющая более 50 стран-членов – Международный совет христиан и иудеев (ICJ) – уже в самом своем уставе запрещает любые виды миссионерства. Обще развитие современного католического и протестантского богословия иудаизма идет по линии все большего признания самоценности иудаизма и отказа от вековой практики попытки обращений евреев. Во главу угла ставится укрепление взаимопонимания, обмен религиозными ценностями, но не смешивание.

И естественно, хотя евреев-священнослужителей в современных христианских церквях разных конфессий не так уж много, им часто приходится в той или иной степени соприкасаться с очень сложным к себе отношением. Но сложность позиции церковнослужителя-еврея обуславливается не только указанными внешними факторами, но и внутренними. Он должен ответить себе на немалое количество очень непростых вопросов: может ли он одновременно ощущать себя евреем, гордиться своей еврейской принадлежностью и одновременно служить Церкви, веками гнавшей евреев? Этнический еврей и иудей в понимании иудаизма – понятия неразделимые: кто же он тогда? Можно ли разделить понятие национальности и вероисповедания, вопреки многовековой еврейской традиции? Как можно служить в Церкви, особенно консервативных конфессиях, где поддерживаются традиционные средневековые учения о евреях-богоубийцах и отвергнутом Богом народе? Быть обязанным проповедовать так или иначе это учение в силу своего церковного долга, верности Священному Преданию, и одновременно ощущать себя евреем?

И немногочисленным евреям-священнослужителям приходится решать эти вопросы. В истории, да и в наше время, нередко можно встретить немало обратившихся в христианство евреев, которые играли ведущую роль в преследовании своих бывших единоверцев, старавшихся выслужиться перед новыми. На них в немалой степени лежит вина за распространение антисемитских настроений.

Но одновременно мы знаем и очень немного примеров выдающихся церковнослужителей, известных во всем мире и добившихся огромного признания – при том, что никогда не отказывались от своего еврейства, гордились принадлежностью к избранному народу и одновременно были глубоко убежденными, горячо верующими христианами. Выдающийся пример такого христианского священнослужителя-еврея представляет собой кардинал Парижский Аарон Люстиже.

Будущий кардинал, Аарон Люстигер, родился в Париже 17 сентября 1926 г., в семье польских эмигрантов-евреев, вполне ассимилированных. В августе 1939 г., накануне войны, родители ради безопасности отправили Аарона и его сестру в Орлеан, в нееврейскую семью. В следующем году, пред Пасхой, Аарон изъявил желание креститься, и присоединился к католической Церкви под именем Жана-Мари. Его отец с трудом принял решение сына и надеялся, что после войны сын вернется в иудаизм, однако Жан-Мари поступил в семинарию и стал приходским священником. В 1979 г. папа Иоанн-Павел II рукоположил его как епископа Орлеанского. затем он получает сан архиепископа, а в 1983 г. – возводится в ранг кардинала Парижского.

В последние годы жизни, уже будучи больным, кардинал Люстиже даже считался одним из кандидатов в будущие папы, хотя вероятность такого события была невелика.

Все эти годы Жану-Мари Люстиже приходилось нелегко, а порой и мучительно решать вопросы своей двойной принадлежности – к еврейству и Церкви. Мать его погибла в концлагере, с отцом отношения были очень напряженными. Кардинал Люстиже оказался в эпицентре не только чисто церковной политики (он сделал очень многое для оживления католической жизни во Франции), но и еврейско-христианских отношений. Именно он был и

мотором, и одновременно препятствием в укреплении связи еврейской и христианской общин во Франции; он же оказался в центре сложных церковно-политических коллизий (споры вокруг возведения креста в Освенциме монахинями-кармелитками в 1988 г., подготовка документов о развитии еврейско-христианских отношений после судьбоносного Ватиканского собора). Все эти перипетии, хотя порой и заостренно-преувеличенно, показаны в отличном фильме Илана Дюрана Коэна "Еврейский кардинал" (2014). Именно такое название фильм получил в англоязычном и российском прокате, но в оригинале он носит другое, более знаковое и содержательное название "Le métis de Dieu", что можно перевести как "метис, полукровка Божий".

Но конечно, внутренние метания, сомнения не так легко передать в динамичном фильме, который заостряет внимание на событиях и внешних сторонах конфликта. А вот чем они мотивированы, передается в многочисленных книгах самого Люстиже и в книгах о нем. Мне кажется, особое место в понимании внутреннего мира Люстиже занимает обширное интервью, данное им когда-то корреспондентам израильской газеты "Едиот Ахранот".^[1] Благодаря откровенности кардинала Люстиже и мастерству журналистов, в интервью были затронуты чрезвычайно важные вопросы, касающиеся самой сути мировоззрения Люстиже. Именно из его ответов можно понять, что двигает просвещенного еврея на принятие христианства и в выборе для себя служения в Церкви.

Люстиже категорически отвергает старую христианскую доктрину о расторжении Богом завета со своим народом: На вопрос "А "избранный народ", это понятие, оно приемлемо для христиан? Продолжают ли христиане, и Вы в том числе, относиться к еврейскому народу как к народу избранному?" он отвечает: "Я полагаю, что с точки зрения веры это основное понятие. Без этого понятия абсолютно невозможно понять ни иудаизм, ни христианство". Мало того, он настаивает, что понятие "избранный народ", т.е. чисто этническое, безрелигиозное еврейство, "взятое вне веры, обмирщенное, это понятие вычеканивает "Gott mit uns" ("С нами Бог") на пряжках солдат вермахта. А это недопустимо". Кардинал Люстиже прямо отвергает мнение о том, что " преследование Израиля – это наказание Божье, что Бог наказывает еврейский народ за то, что тот не признал Иисуса": "Я сам я никогда не разделял этого мнения, ибо это не есть составная часть католической веры. Это толкование распространено, но не являющееся частью веры... Для христиан евреи суть живые свидетели исторической реальности, единственной в своем роде с точки зрения христианской веры. Понять сущность христианской веры можно лишь принимая избрание Мессии, а само избрание Мессии можно понять лишь принимая избрание Израиля. Тот, кто пытается избавиться от этой основы христианства, кончает преследованием евреев, желанием их уничтожить. Такое отрицательное отношение к иудаизму имело место в истории христианства и было осуждено."

Мало того, Люстиже настаивает, что исторический иудаизм должен быть верен своему призванию: "Израиль же, из-за Отцов и в силу призвания возлюбленный Богом, должен, пока времена не исполнились, именно как Израиль утвердиться в верности. Ибо дары и призвание от Бога неотменимы. Конечно, это очень трудный вопрос. Для иудаизма христианство это некоторое предвосхищение, некая, что ли, торопливость. Так что за иудаизмом сохраняется нечто вроде права контроля над христианством. У иудаизма есть свое веское суждение".

При этом он настаивает на своем еврействе, хотя и принял христианство: "Во всяком случае, я глубоко ощущаю себя евреем. Если Ваш отец, Ваша мать, Ваш двоюродный брат, двоюродная сестра больны или преследуются, можете ли Вы не чувствовать себя вместе с ними? Это же мои братья!... Я вполне сознаю, какое возмущение, какие противоречивые чувства может вызвать у евреев моя личная позиция. Представляю себе, что могут думать в Израиле об еврее, который стал христианином. Мне очень не хотелось бы кого бы то ни было озлоблять или ранить. Но я никогда не стремился быть "добрым евреем" в том смысле, как это определяется раввинами, и одновременно добрым христианином, как это определяется

Церковью. Я не могу отречься от своего еврейства: тогда я потеряю собственное достоинство, то, что воспринял от своих родителей и от всех тех, с кем я связан неразрывными узами – как во время преследований, так и во время покоя. Я говорил о своем еврействе во имя истины, ради требований, которые она предъявляет. Как же я могу, подумайте сами, перестать быть евреем? Конечно, я не "религиозный еврей", в том смысле, какой вкладывают в это понятие те, кто дает определение еврейской ортодоксии. Но я могу сказать, что, став христианином, я не захотел перестать быть тем евреем, каким был до этого. Во мне не возникло желания отречься от своего еврейства. Я получил его от своих родителей, а значит, от Самого Бога, поэтому оно неотторжимо от меня".

Люстиже принял христианство, которое видится ему естественным венцом, кристаллизацией иудаизма: "В действительности получилось так, что когда я в первый раз лицом к лицу встретился с христианами, то оказалось, что я лучше их знаю то, во что они верят. Когда в тот момент я перечитывал Евангелия, то я их уже знал. Я говорю: в тот момент, ибо тогда мои родители совершенно не принимали моих убеждений, которые им казались возмутительными. Я им говорил: "Я же не бросаю вас и не перехожу во вражеский стан. Я становлюсь тем, кем я должен быть. Я не перестаю быть евреем, совсем наоборот, я открыл способ "быть евреем". Я знаю, что евреям невыносимо слушать такое. Но все это я пережил. Я выбрал три христианских имени: Аарон-Иоанн-Мария. Три еврейских имени. Древне-еврейских, разумеется. Я сохранил имя, которое получил при рождении". Сходную позицию – христианство, как венец, а не отрицание библейского иудаизма – занимал о. Александр Мень, четко артикулировавший ее в многотомной истории религиозных исканий человечества "В поисках пути, истины и жизни".

Жан-Мари Люстиже, отказываясь от именованья "доброго еврея" и "доброго христианина" в традиционном смысле, тем не менее, сумел обрести глубокое признание как у христиан, так и у еврейской общины Франции.

5 августа 2007 г. на похоронах Люстиже, помимо президента и премьер-министра Франции, присутствовали все лидеры еврейской общины, узники Холокоста.

Деревянный гроб с телом Люстиже был установлен на площади перед собором Нотр-Дам-де-Пари. Внучатый племянник Люстиже прочел 113-ый псалом на иврите и французском и водрузил на гроб сосуд с землей, собранной на Святой земле. 83-летний Арно Люстиже, двоюродный брат кардинала, прошедший через ужасы нацистского лагеря смерти, прочел Кадиш.

На памятной табличке в крипте собора Нотр-Дам, где он похоронен, написано: "Я родился евреем. Мне дали имя моего деда – Аарон, я принял христианскую веру и был крещен, но как и апостолы, я остался евреем".

Кардинал Люстиже – несомненно, искренний и глубоко переживающий свою веру христианин. Одновременно он полагает, что он остался и евреем, каким был раньше. Так ли это? Вопрос очень трудный.

Дело в том, что специфика ортодоксального иудаизма заключается прежде всего в соблюдении, в точном следовании Закону, в исполнении многочисленных заповедей, наложенных на еврея Богом, что отмечает и сам кардинал Люстиже. Христианская религия объявляет этот Закон устаревшим, предлагая новый – закон веры и любви. И в христианском свете соблюдение заповедей, предусмотренных писаной и устной Торой, становится излишним и ненужным. Но для ортодоксального иудея это и есть отпадение от подлинного еврейства – ведь, по сути дела, еврей лишается своего исторического религиозно-этнического облика. Даже сохраняя свои этнически-культурные черты, он в любом случае разрушает религиозную преемственность с историческим еврейством.

Но считать себя евреем вовсе необязательно в историческом понимании этого слова. Тогда неизбежно возникает вопрос, что такое "еврей"? Ответ на него дается разный – ортодоксами, реформистами, евреями светскими, евреями крестившимися. Кардинал Люстиже дал на него свой продуманный и глубокий ответ, который невозможно не принять.

Но главное не это. Социологические исследования доказывают очевидную вещь, что принятие христианства евреем в любом случае резко увеличивает вероятность смешанных браков, ассимиляции – и ведет, по существу к исчезновению еврейского народа.

Еврею в таких случаях приходится делать очень трудный выбор. Выбор между искренней христианской верой, с одной стороны, и еврейским прошлым и будущим, с другой. И этот вопрос тоже решает каждый по своему. Однозначного, абсолютно верного решения здесь нет. Евреи, действительно, особый народ. Как сказал один старый еврей, с которым мне как-то довелось беседовать около Нотр-Дам о Люстиже: "Les juifs sont les juifs... – евреи есть евреи".

Footnotes

[1] <http://www.jcrelations.net/.2632.0.html?id=720&L=7>

Editorial remarks

Впервые опубликовано: "Страницы", ББИ, Москва, т.21 вып. 2.